

В свете рампы

ЗРИМОЕ СЛОВО

Александр Алексеевич Остужев. Это имя, к сожалению, уже ничего не говорит сегодняшнему поколению любителей театрального искусства. Зато старые театралы до сих пор с восторгом вспоминают довоенные постановки «Отелло» и «Уриэля Акоста» на сцене Малого театра с Остужевым в главных ролях. И, пожалуй, не будет преувеличением сказать, что редко кому из актеров доводилось пережить славу, подобную славе Остужева, славу человека-легенды, заслуженную всем его жизненным и творческим подвигом.

Молодым, красивым, щедро одаренным от природы, с удивительным по красоте тембра голосом пришел в Малый театр в 1898 году талантливый провинциальный актер из Воронежа Александр Пожаров. И сразу покорила московскую публику. Вот только во избежание возможных недоразумений дирекция предложила артисту поменять свою «огнеопасную» фамилию на более спокойную — Остужев. Ромео и Чацкий, Незнаком, Освальд, Жадю — роли сменялись за ролями. Перед молодым актером, казалось, открыта широкая, счастливая дорога творчества: И вдруг... Когда молодой, полный сил артист впервые ощутил тревожный симптом глухоты, он не захотел в это поверить. Случайность! Вздор! Пустяк! Но сигнал повторился настойчивее и упорнее. А потом снова и снова. Теперь уже не было сомнений, да и врачи подтвердили: слух угасал неутомимо и безвозвратно. А впереди еще целая жизнь, десятки насыщенных, ждущих его ролей. Отказаться от сцены? Уйти из театра? Сдаться? Нет! И глухонудый Остужев смело бросает вызов одолевшему его недугу.

Сорок с лишним лет, больше половины прожитой жизни преодолел Остужев свою болезнь. И доказал всем: себе, зрителям, товарищам по сцене, на что способен истинный талант, что значит сила воли, поможенная на одержимость и веру.

Последние роли Остужева — «Отелло» (1935 г.) и «Уриэль Акоста» (1940 г.) стали вершиной его триумфа. В то время он уже перешагнул рубеж шестидесятилетия.

Александр Остужев ушел из жизни за десять лет до образования первого в мире театра глухих артистов, играющих для глухонемого зрителя, — Московского театра мимики и жеста. Но его легендарная судьба явилась по существу предтечей этого уникального коллектива. И сам образ великого трагического актера так и просился на сцену этого театра.

Спектакль «Трагедия по пьесе Э. Федотова», написанной специально для Театра мимики и жеста, последняя премьера коллектива (постановщик — главный режиссер театра А. Щекочихин), отметившего в нынешнем сезоне свое десятилетие.

А ведь кажется, что это было совсем недавно: уютный подвалчик в одном из тихих переулков Сретенки, скромный, очень «домашний» зрительный зал, а на сцене совсем еще молодые и, как всякая молодость, прекрасные

актеры, темпераментно, страстно, бурно играющие Шиллера. Только все было необычно, все наоборот в этом новорожденном театре — тишина на сцене и громкая, ничем не сдерживаемая реакция публики, пластический диалог актеров и язвлившийся одобрительным гулом непосредственный восторг смотрящих.

Так двадцать лет назад спектаклем «Коварство и любовь» Ф. Шиллера заявил о себе новый для Москвы Театр мимики и жеста.

Рождение этого единственного в своем роде театра было актом естественным и закономерным. Драматический кружок Дома культуры Всесоюзного общества глухих (ВОГ) уже не мог удовлетворять возрастающие требования своего постоянного зрителя. Людям, лишенным возможности слышать, был необходим свой, профессиональный драматический театр, который зримо, через живые человеческие характеры мог бы приобщить их к сокровищнице современной и классической, отечественной и мировой драматургии. Создание такого театра было сложнейшим экспериментом, ибо если в обычном театре сидящие в зале воспринимают происходящее на сцене одновременно и зрительно, и на слух, то здесь нужно было искать совершенно особые средства сценической выразительности, чтобы быть понятными зрителям. Слово было переведено на язык жестов, музыка зазвучала в четкости ритмов и пластике движений.

Основу труппы составили выпускники студии, обучавшиеся при Театральном училище имени Б. В. Шуккина, и наиболее одаренные участники самостоятельности при Доме культуры ВОГ. А по прошествии еще двух лет волилась в труппу и вторая студия, занимавшаяся тоже при Шуккинском училище. Потом были еще два выпуска — театр пополнялся молодежью.

Шли годы. Из крохотного зала на улице Хмелева (кстати, здесь, в том же самом подвалчике, два года назад открыл свой филиал Театр имени Вл. Маяковского, вернувшись к жизни старую уютную сценку). Театр мимики и жеста перешел в прекрасное новое помещение Дома культуры ВОГ на Измайловском бульваре. Он приобрел популярность, и благодаря блистательной работе своих актеров — дикторов, которые «звучивают» спектакли, стал доступен слышащей публике. По его примеру за последние годы были созданы профессиональные и самодеятельные театры для людей, лишенных слуха, в ряде городов нашей страны и за рубежом.

Около сорока лет театр показывал два спектакля в день. Около двадцати названий стоит сегодня на его афише. И среди них такие спектакли-«долгожители», как «Коварство и любовь», уже не раз сменявший состав исполнителей, как «Золушка» — бывшая дипломная работа выпускников второй студии. Большое место в его репертуаре всегда занимала классика — отечественная и мировая: Эсхил и Гюльдонн, Шекспир и Брехт, Фонвизин и Гофман, Островский, Горький, Маяковский...

Все большее и большее значение стало приобретать музыкальное сопровождение спектаклей, а в таких работах, как, например, «Двадцатая ночь» Шекспира или «Слуга двух господ» Гольдони, музыка явилась доминирующей действующей, она задавала ему темп и ритм, синхронно с ней, словно «выпевая» мелодию, двигались «говорящие» руки актеров.

Как же достигается такая удивительная синхронность музыки, языка жестов и звучащего дикторского слова? Оказывается, актеры-дикторы, сидящие перед первым зрительским рядом лицом к сцене, жестом подсказывают актерам-исполнителям (напомним — глухим!) моменты выступления и окончания музыкальных фраз, а еще два суфлера-переводчика стоят по обе стороны кулис, готовые в любую минуту азбукой жестов прийти на помощь актеру. И какая же сверхчеловеческая сосредоточенность должна быть у артистов, чтобы одновременно следить за партнером, актером-диктором, суфлером-переводчиком и при этом вести диалог, в котором все «говорит»: пальцы, руки, тело, лицо, глаза. Что это, феноменальная способность? Нет, для актеров Театра мимики и жеста — всего лишь обязательный, единственный возможный способ существования на сцене.

Конечно, тончайшие оттенки настроения, состояния человека, могущие быть выражены звучащим словом, при переводе на язык жестов многое теряют. Поэтому мимическая речь в спектаклях должна быть предельно точной, краткой и выразительной. Чтобы зритель не просто понял ход основных сюжетных коллизий, но смог бы заглянуть в и душу героев.

Наверное, можно было бы перечислить множество актерских имен, составляющих основу труппы, от выпускников первой студии до самых молодых исполнителей. Перечислить и блестящих актеров-дикторов, искусно перевоплощающихся за вечер в разных персонажей пьесы, чтобы создать для нас, слышащих, полную иллюзию полноценно звучащего спектакля. Но дело не в отдельных именах.

Главное в том, что вот уже двадцать лет работает в столице уникальный коллектив, получивший широкое признание не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами — в Болгарии, Чехословакии, Польше, Югославии, Турции. За двадцать лет Театр мимики и жеста твердо и уверенно встал на ноги.

Его жизнь далеко не безоблачна. У него много своих «забот и трудностей», начиная от репертуара и кончая тем, что отдаленность от центра весьма существенно сказывается на посещаемости его спектаклей. Но он верит в свои силы, знает свои возможности, хочет делать больше. И лучше того, что делая до сих пор. И если, вы еще ни разу не побывали в этом театре, посетите его непременно. Не пожалейте. Его адрес: Измайловский бульвар, 33/41. Три минуты ходьбы от станции метро «Паровозная».

Н. БАЛАНОВА